

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

в которой, будет рассказано о том, как обольстительная дева хотела сочетаться с силой Ян и как непорочное начало защищалось от ее посягательств

Итак, мы уже знаем, что Чжу Ба-цзе спрыгнул с облака на высокую гору и отправился искать дорогу. Ему удалось найти тропу, по которой он и прошел несколько ли. Неожиданно его внимание привлекли две девы-оборотня, которые черпали воду из колодца. Вы спросите, как догадался Чжу Ба-цзе, что они оборотни? А очень просто. У дев были давно вышедшие из моды очень высокие прически. Дурень подошел к ним поближе и крикнул:

— Эй вы, оборотни!

Девы разозлились.

— Какой грубиян, а еще монах! — воскликнули они с возмущением. — Мы его совсем не знаем, никогда и двух слов с ним не сказали, а он позволяет себе так оскорблять нас! — С этими словами девы схватили коромысла и принялись бить Чжу Ба-цзе по голове.

А Дурень, как вы знаете, не взял с собой никакого оружия и ему нечем было отбиваться. Поэтому, получив несколько увесистых ударов, он обхватил голову руками и помчался обратно.

— Братец! Пойдем отсюда! — жалобно взмолился он, обращаясь к Сунь У-куну. — Очень уж лихие здесь оборотни!

— С чего это ты взял, что они лихие? — удивился Сунь У-кун.

— А вот с чего, — стал рассказывать Чжу Ба-цзе. — Под горой, в ущелье, я увидел двух девиц-оборотней, которые черпали воду из колодца. Я их окликнул, а они напали на меня и поколотили своими коромыслами.

— А как ты их окликнул? — спросил Сунь У-кун.

— Да очень просто: «Эй вы, оборотни!».

— Мало они тебя побили, — рассмеялся Сунь У-кун.

— Спасибо на добром слове! — обиделся Чжу Ба-цзе. — У меня и так вся голова распухла!

— «Смирный благополучно пройдет всю Поднебесную, а невежа и шага не ступит!» — смеясь, произнес Сунь У-кун. — Пойми, ты, наконец, что будь у тебя хоть тысяча рук, все равно надо быть вежливым и обходительным, особенно с незнакомыми. Эти девы — здешние

жительницы, а ты — странник монах из далеких стран. С какой же стати ты, ни с того ни с сего, обозвал их оборотнями? Правильно они сделали, что побили тебя. Не меня же им бить за это. Разве ты не знаешь, что «больше всего люди ценят вежливость и музыку»!

— Вот хоть убей не знал я этого! — проворчал Чжу Ба-цзе.

— А известны ли тебе две породы деревьев? — спросил Сунь У-кун. — Ты ведь долгое время жил в горах и занимался там людоедством.

— Что за породы? Понятия не имею! — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Одна порода это тополь, а другая — сандал. Древесина у тополя очень мягкая, и опытный мастер вырезывает из нее изображения святых праведников, даже самого Будду Татагату, покрывает их позолотой, раскрашивает, оправляет яшмой, украшает узорами, и десятки тысяч людей воскуривают перед этим изображением фимиам, поклоняются ему. Вот какое безмерное счастье выпадает на долю тополя. А вот у сандала древесина очень твердая. Поэтому сандаловое дерево идет на маслобойки и из него делают жом, который стягивают железным обручем. И все эти мучения сандаловое дерево переносит лишь потому, что древесина у него очень твердая.

— Братец, что же ты раньше не рассказал мне эту притчу? — укоризненно произнес Чжу Ба-цзе. — Может, они и не побили бы меня.

— А что тебе стоит еще раз сходить и вежливо приветствовать их? — лукаво спросил Сунь У-кун.

— Как же я пойду? Они сразу же узнают меня! — возразил Чжу Ба-цзе.

— А ты прими другой облик, — посоветовал Великий Мудрец.

— Ладно, — согласился Чжу Ба-цзе, — но что я им скажу?

— Ты преобразись сперва, а потом подойди к ним, соверши учтивый поклон и разгляди, какого они возраста. Если нам ровесницы, то назови их сестрицами, а если постарше, величай бабушками.

— Нет, так не пойдет! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Мы слишком далеко жили от них, чтобы набиваться в родственники.

— Ну что ты! Вовсе и не надо набиваться им в родню! — рассмеялся Сунь У-кун. — Ты только постарайся завести с ними разговор. Если окажется, что это они похитили наставника, то нам легче будет действовать; если же не они, то и возиться с ними нечего.

— Ты совершенно прав! — согласился Чжу Ба-цзе.— Попробую еще разок сходить к ним!

Ну и молодец Чжу Ба-цзе! Он заткнул за пояс грабли, спустился с горы, встряхнулся и превратился в темнолицего толстого монаха. Медленно, вразвалку подошел он к девам и, совершив перед ними глубокий поклон, протяжно произнес приветствие:

— Бабуси! Бедный монах бьет вам челом!

Девы развеселились.

— Вот это настоящий монах! — защебетали они.— И поклонился как следует и вежливые слова сказал.

— Ты откуда, почтеннейший? — спросили девы.

Чжу Ба-цзе растерялся, куда-то в сторону махнул рукой и пробормотал:

— Оттуда!

— А куда направляешься?

— Туда!

— Как же тебя зовут?

— Как зовут? — повторил Чжу Ба-цзе, не зная, что сказать.

Девы звонко рассмеялись.

— Всем хорош этот монах, только простоват немного. Повторяет чужие слова, сам ничего сказать не умеет.

— Бабуси, — набравшись духу спросил Чжу Ба-цзе, — вы для чего воду набираете?

— А ты и не знаешь, почтеннейший,— затараторили девы, — наша хозяйка нынешней ночью притащила к себе в пещеру Танского монаха и хочет завлечь его. У нас в пещере вода не чистая, вот она и послала нас сюда за этой прекрасной водой, в которой слились силы Инь и Ян. Скоро у нас начнется богатый пир, разных яств и плодов будет видимо-невидимо, и все постные, специально для этого Танского монаха. А вечером хозяйка породнится с ним!

От этих слов Чжу Ба-цзе весь как-то сжался и опрометью бросился бежать, крича на ходу:

— Ша-сэн! Неси сюда поклажу скорей! Разделим ее между собой — и баста!

— Что ты, братец! — откликнулся Ша-сэн.— Зачем же мы станем устраивать дележ?

— Ты возьмешь свою долю и вернешься к себе на реку Сыпучих песков и опять станешь людоедом, я отправлюсь в Гаолао-чжуан повидаться с родными, а старший брат Сунь У-кун — в свою пещеру на горе Цветов и плодов, где станут прославлять его мудрость. Белый конь пусть возвращается в великое мореокеан и снова станет драконом. Наш наставник решил породниться с девой-оборотнем и, видно, останется жить у нее в пещере! Нам делать здесь больше нечего, и мы вправе жить теперь, как нам вздумается.

— Ну, пошел наш Дурень молоть чепуху! — сказал Сунь У-кун.

— Это сын твой мелет чепуху, — разозлился Чжу Ба-цзе. — Только что девы-оборотни сказали мне, что уже готовится пир в честь Танского монаха, нашего наставника, а после пира он породнится с их хозяйкой!

— Наш наставник томится в пещере у оборотня и ждет не дождется, когда мы спасем его, а ты, Дурень, смеешь болтать про него такую чепуху! — возмутился Сунь У-кун.

— Как же спасти его? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Мы пойдем следом за девами, дойдем до пещеры. А там сразу же и начнем действовать сообща.

Дурню не оставалось ничего другого, как повиноваться. Сунь У-кун еще издали заметил дев-оборотней, которые углублялись в горы. Но не прошли они и двадцати ли, как вдруг исчезли.

— Братец! Уж не черт ли их уволок средь бела дня?! — встревожился Чжу Ба-цзе.

— Ну и глаза у тебя! — насмешливо воскликнул Сунь У-кун. — Где же это ты черта увидел?

— Если не черт, то кто же их уволок? — раздраженно ответил Чжу Ба-цзе. — Они ведь только что шли, воду несли и вдруг куда-то пропали. Ясное дело, что их черти забрали.

— А по-моему, они скрылись в пещере. Вот я сейчас посмотрю!

И с этими словами Великий Мудрец широко раскрыл свои замечательные глаза с золотистыми зрачками и стал оглядывать гору. Там не было ни души. Лишь перед большой отвесной скалой

стояла ажурная вышка очень тонкой работы, перед которой разбиты были клумбы с цветами, а рядом декоративные ворота, обращенные на все четыре стороны, с башней в три яруса. Сунь У-кун направился к этим воротам в сопровождении Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Здесь в глаза им бросилось шесть крупных иероглифов, блестящих над входом: «Бездонная пещера горы Провал в пустоту».

— Братцы! — проговорил Сунь У-кун. — Видите, за этой ширмой и спряталась ведьма! А вот где сами ворота и как они открываются, — пока неизвестно.

— Поищем! — ответил Ша-сэн. — Наверно, недалеко, совсем недалеко!

Все трое стали внимательно оглядываться по сторонам. Оказалось, что башня стоит на огромной скале, окружностью более десяти квадратных ли. Посередине скалы они заметили отверстие, как у большого чана, откуда струился луч света.

— Братец! — сказал Чжу Ба-цзе. — Это, наверное, и есть вход в пещеру!

— Странно! — промолвил Сунь У-кун, оглядев отверстие. — Скажу вам без обмана, что мне, старому Сунь У-куну, еще ни разу не приходилось видеть подобного входа, хотя за время нашего путешествия на Запад я побывал во многих пещерах и имел дело с их обитателями. Вот что! Ты, Чжу Ба-цзе, спускайся вниз первым! Узнай, какова глубина пещеры и что в ней есть, тогда нам легче будет выручать наставника.

Но Чжу Ба-цзе замотал головой.

— Нет, я не могу! Не могу! — упирался он. — Ты же знаешь, какой я грузный. Если оступлюсь, кто знает, может быть, мне придется лететь вниз года два или три, чтобы достигнуть дна!

— Неужели так глубоко? — удивился Сунь У-кун.

— Сам посмотри! — предложил Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун припал к отверстию и начал всматриваться. Страшная пропасть зияла перед ним. Да и в окружности пещера была, пожалуй, более трехсот ли.

— Здорово! — воскликнул Сунь У-кун. — В самом деле очень глубоко!

— Давайте вернемся, — заговорил Чжу Ба-цзе умоляющим тоном, — все равно нам не спасти наставника!

— Вот еще! — вскипел Сунь У-кун. — Перестань увливать да наводить страх! Ну-ка, складывайте узлы с поклажей да привяжите коня к столбу у арки, — приказал он. — Ты

возьмешь грабли, Чжу Ба-цзе, а ты, Ша-сэн, вооружись своим волшебным посохом. Загородите выход из пещеры, я же полезу внутрь и все разузнаю. Если наш наставник действительно в пещере, я буду гнать оборотня к выходу, а вы тем временем не выпускайте его из пещеры. Такой способ называется «согласованные действия войск изнутри и снаружи». Вот уьем чародейку, тогда и спасем нашего учителя!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн безропотно повиновались Сунь У-куну.

Великий Мудрец поднатужился и прыгнул в пещеру. Под ногами у него оказалось благовещее облачко, из которого исходило множество разноцветных лучей, а тело его тысячами слоев окружал благодатный эфир. Вскоре Сунь У-кун достиг самой глубины пещеры, откуда исходил ослепительно-яркий свет. Там, оказывается, было такое же солнце, как и на земле, шелестел ветерок, росли цветы, травы, плоды и деревья.

— Какое здесь чудное место! — воскликнул восхищенный Сунь У-кун. — Когда я появился на свет, небо даровало мне пещеру Водного занавеса, и я думал, что нет места на свете лучше моей пещеры, но теперь я вижу, что и эта пещера — сущий рай на земле!

Разглядывая местность, Сунь У-кун увидел ворота, с которых двумя потоками струилась вода. Вокруг росли сосны и бамбуки. За воротами виднелось много строений.

«Вот там, наверное, и живет сама ведьма, — подумал Сунь У-кун — А не пробраться ли мне туда? Разузнаю, что и как! Нет! В таком виде нельзя появляться ей на глаза: сразу же узнает меня. Надо сперва преобразиться».

Тут Сунь У-кун встряхнулся, прищелкнул пальцами, прочел заклинание и сразу же превратился в обыкновенную муху. После этого он взлетел на ворота и стал осматриваться. В беседке, украшенной цветами, он увидел ведьму-оборотня, которая восседала на высоком сиденье. Теперь она выглядела совсем не так, как в бору Черных сосен, привязанная к дереву, или в монастыре, когда Сунь У-кун чуть было не схватил ее. Да и одета она была гораздо пышнее. Вот послушайте:

Взбиты волосы пышным узлом

Над прелестной головкой.

Блещет гребень, —

И пряди взлетают вороньим крылом.

Бархат ярко-зеленый,

Цветами разубранный, ловко

Облегает ей бедра

И грудь огибает кругом.

Десять розовых пальчиков
Тоненьких, словно побеги
Молодого бамбука,
Глядят из ее рукавов.
И на крошечных ножках,
К любви призывая и неге,
Из-под платья ее
Пара пестрых видна башмачков.
И лицо ее, словно луна,
Под облаком пудры.
И пунцовые губки
Двух вишенок спелых нежней.
— Нет прелестнее девы! —
Сказал бы и самый премудрый.
И богиня Чан Э
Красотой не сравнилась бы с ней.
Нынче утром,
Святого паломника сон потревожа,
Утащила беднягу монаха
В подземный дворец,
Чтобы с ним разделить
Изголовье любовного ложа
И греховной усладой
Его покорить наконец.

Сунь У-кун молча прислушивался, что скажет ведьма-оборотень. Вскоре ее вишневые губки раскрылись, и она, радостная и довольная, позвала к себе служанок.

— Скорее несите сюда все постные блюда, — приказала она. — Мы поедем с дорогим монахом, а затем он станет мне мужем.

Сунь У-кун усмехнулся: «Оказывается, она и впрямь надеется на это! А я-то думал, что все это выдумки Чжу Ба-цзе. Однако надо поискать наставника! Интересно знать, что у него сейчас на душе. Если чертовка сумела приворожить его, пусть живет себе здесь на здоровье!».

Расправив крылышки, Сунь У-кун влетел во внутреннее помещение и, осмотревшись, заметил, что окно на восточную веранду, переплет которого был оклеен красной бумагой, внизу почему-то было темным, а сверху светилось странным светом. Он сразу же догадался, что за этим окном сидит Танский монах. Сунь У-кун стукнулся головой об бумагу, пробил крохотную дырочку и пролез на веранду. Он прожужжал над головой наставника и уселся прямо на его гладко выбритое темя.

— Наставник! — крикнул Сунь У-кун.

Танский монах, услышав знакомый голос, взмолился:

— Братец! Выручи меня!

— Ничего не выйдет, учитель!— отвечал Сунь У-кун.— Эта ведьма уже велела подавать угощение, собирается вместе с тобой покушать, а потом и породниться. Может, у вас родится мальчик или девочка. Как-никак все же это будет твое монашеское потомство. Чего же тебе печалиться?

Услышав эти слова, Танский монах заскрежетал зубами.

— Брат, — волнуясь, заговорил он, — с тех пор как я покинул Чанъань, пришел на гору Усиншань, где взял тебя в спутники, и за все время нашего пути на Запад, был ли такой случай, чтобы меня хоть раз потянуло к чему-либо скоромному? Скажи, был ли такой день, чтобы я выражал какие-либо греховные намерения? А эта ведьма требует, чтобы я с ней сошелся! Да если я утрачу свою непорочную силу Ян, то мое колесо жизни покатится вспять за Темные горы Инь-шань, и тогда мне никогда больше не придется даже мечтать о чудесном перерождении!

— Не надо так говорить! — засмеялся Сунь У-кун. — Раз уж у тебя такое искреннее желание попасть в обитель Будды на Западе и получить священные книги, я, старый Сунь У-кун, доставлю тебя туда, вот и все!

— Но как нам выбраться отсюда? — спросил Танский монах.— Я ведь совсем не помню, каким путем очутился здесь.

— Где уж тут запомнить. Ведь это не обычная пещера. Сюда приходится пролезать сверху. Стало быть, чтобы спасти тебя, надо будет лезть снизу вверх. Если тебе повезет, то нам удастся пролезть через верхнее отверстие, а нет — будешь здесь томиться еще немало дней.

— Как же быть? Как избавиться от такой напасти? — проговорил Танский монах со слезами на глазах.

— Ничего, ничего! — успокоил его Сунь У-кун. — Когда ведьма поднесет тебе вина, выпей чарочку. Нужно только, чтобы она поторопилась к себе, тогда я сразу же превращусь в кузнечика и прыгну в ее чарку, спрятавшись под пеной. А когда она осушит чарку, я попаду к ней в живот. Там уж я ей задам: порву все внутренности, вырву сердце и печеньку, разорву кишки, чтобы она сразу же сдохла, тогда только ты сможешь выбраться отсюда.

— Брат мой! — испуганно промолвил Танский монах. — Чересчур уж ты разошелся! Разве можно так бесчеловечно поступать?!

— Если ты будешь думать только о том, чтобы делать добро, то тебе лучше распрощаться с жизнью,— возразил Сунь У-кун. — Помни, что оборотни творят зло и навлекают пагубу на людей. Никак не пойму, почему ты жалеешь ее.

— Ну ладно! Пусть будет по-твоему! Только не оставляй меня одного! — произнес Танский монах с мольбой в голосе.

Вот уж поистине, с тех пор как Сунь У-кун стал учеником Танского монаха и сопровождал его на Запад, Танский монах полностью зависел от него.

Не успели учитель и его ученик уговориться, как действовать, а дева-оборотень тут как тут — пришла звать Танского монаха на трапезу.

— Почтенный наставник! — крикнула она.

Танский монах не посмел откликнуться. Дева еще раз позвала его. Но он снова промолчал. А дело было в том, что Сюань-цзан вспомнил изречение:

«Рот откроешь — добрый дух из тебя

улетит!

Языком шевельнешь — беда

тут же родится!».

Однако молчать все время тоже было страшно. Дева могла разгневаться и тут же прикончить его. При мысли об этом Сюань-цзан окончательно растерялся, как говорится, его уста вопрошали сердце, а сердце вопрошало уста. Пока он раздумывал, дева снова окликнула его:

— Почтенный наставник!

— Я здесь, повелительница! — ответил, наконец, Танский монах.

Этот ответ он вырвал из себя словно кусок живого мяса. Почему же тот, кого все считали прямодушным, удостоенным чести идти за священными книгами на Запад, в райскую обитель Будды, на этот раз все же откликнулся на зов обольстительной девы? Кто так спросит, тот, значит, никогда не бывал на грани жизни и смерти. На зов ответили уста Сюань-цзана, а сердце его молчало. Между тем дева-оборотень, услышав голос Танского монаха, толкнула дверь, подошла к нему, подняла его с места и, прижавшись к нему всем телом, коснулась его лица своей щечкой и взяла его за руки. Вы бы видели, какие она принимала обворожительные позы, сколько было в ней пленительной грации! Но разве знала она, что творится в этот момент в душе несчастного монаха.

Тем временем Сунь У-кун лишь посмеивался про себя и думал: «Пожалуй, наставнику не устоять против этакого соблазна!».

Но праведный монах,
Святой душой страдая,
На образ сладостный
Очей не подымал.
Как дивно хороша была
Колдунья злая,
Милей небесных дев,
Превыше всех похвал!
Смогу ли бровь ее
Сравнить с листочком ивы
И с нежным персиком
Сравнить ее чело?
Как башмачки ее
Расшитые красивы!
А волосы черней,
Чем ворона крыло!
С улыбкой за руку
Она берет монаха.
Он повинуется,

Хотя в душе не рад.

И чует праведник,

Невольно полный страха,

Дыханье орхидей

И амбры аромат.

Дева-оборотень повела Танского монаха к цветочной беседке: — Дорогой наставник! — молвила она зардевшись. — Я приготовила тебе чарочку вина и хочу выпить вместе с тобою!

— Владычица! Я во всю жизнь свою не вкушал ничего скромного! — отказался Танский монах.

— А мы и не будем вкушать скромного, — игриво сказала она, — у нас в пещере вода не очень чистая, вот я и велела принести чистойшей воды из горного колодца, в которой соединены силы Инь и Ян. На этой воде специально для тебя приготовлены всевозможные блюда из плодов и овощей.

Танский монах вошел в беседку, и вот что представилось его взору:

Там красивые ворота

Пестрой бахромой обвиты,

На шнурах парчовых кисти

Разноцветные висят.

Из курильниц драгоценных

В виде львов с узорной гривой,

Наполняя всю беседку,

Льется сладкий аромат.

На столах, покрытых лаком,

Разукрашенных богато,

С тонко врезанным рисунком,

Как для царственных гостей,

На плетенных из бамбука

Лакированных подносах —

Сотни лакомств, привезенных
Из далеких областей.
Много тут плодов румяных:
Яблоки, большие груши,
Мякоть лотосов мучнистых,
Радующих вкус и взгляд,
Много абрикосов белых,
И серебряных, и желтых,
Много слив и винограда
Груды персиков лежат.
Фиги, финики, маслины,
Золотые апельсины,
С тонкокожим мандарином
Рядом — спелая хурма.
Сколько лакомых каштанов,
Сколько фундуков каленых
И личжи с колючей кожей,
Здесь орехов разных тьма!
А закусок сколько свежих!
Ветви юные бамбука
И сяньтянь с приятным вкусом.
Сыр душистый из бобов,
Листья, корни трав целебных,
Овощи с подливой острой,
Жаренные в постном масле,
Сотни лакомых грибов!
Здесь горох и чечевица,
Молодой латук зеленый,

Там фасоль под сладкой соей,
Нежный сахарный батат,
И с начинкой баклажаны
Запеченные, как будто
Жареные перепелки,
В пряном соусе лежат.
Фаршированная тыква
С выскобленной серединой,
В нежной масляной подливе,
Рядом семечки в меду,
Репы, сдобренные острым
Уксусом, имбирь, корица,
Перец красный и зеленый,
Ломти дыни на виду!
Сколько острых и соленых,
Сладких, горьких, пряных, терпких
Яств и кушаний различных,
Сколько лакомств было тут.
Все там были сочетанья,
Вина все и все приправы!
И всего там было вдоволь,
Много сотен разных блюд!

Дева взяла изящными, словно выточенными из яшмы пальчиками, золотую чарку и наполнила ее до краев чудесным вином.

— Наставник дорогой! Отведай, будь милостив! — ласково произнесла она, обеими руками поднося чарку Танскому монаху. — Милый мой! Прощу тебя выпить за нашу счастливую встречу.

Танский монах в смущении пролепетал что-то, принял вино, обратил глаза к небу и про себя

прочел молитву:

«О божества и духи, хранители учения Будды, постигшие явления природы во всех пяти странах света, и четыре стража времени! Обращается к вам с мольбой самый меньшой брат ваш, Чэнь Сюань-цзан! Вам поручила богиня Гуаньинь незримо охранять меня с того дня, как я покинул восточные земли, дабы я смог достичь храма Раскатов грома, поклониться Будде и испросить у него священные книги. И вот ныне в пути меня схватил злой дух-оборотень в образе девы и вынуждает слиться с ним. Он вручил мне сию чарку вина и велит испить ее. Если это вино нехмельное, я хоть и через силу, выпью его, чтобы освободиться, завершить мой путь и лицезреть Будду. Если же вино окажется скоромным, то я подвергнусь вечным мукам колеса жизни, обернувшись вспять за нарушение моего обета!».

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун, превратившись в кузнечика, притаился за ухом своего наставника и все время нашептывал ему, что надо делать. Его слова были слышны одному только Танскому монаху. Сунь У-кун знал, что учитель любит простое виноградное вино, и велел ему осушить поднесенную чарку. Тот скрепя сердце выпил и, поспешно наполнив вином эту же чарку, поднес ее деве-оборотню. Вино запенилось. Тогда Сунь У-кун незаметно прыгнул прямо в пену и скрылся под ней. Дева приняла чарку, но не стала пить, а дважды поклонилась Танскому монаху, после чего произнесла еще несколько ласковых слов с выражением благодарности. После этого она взяла чарку, в которой пена уже осела, и увидела насекомое. Ей, конечно, и в голову не пришло, что это Сунь У-кун. Она мизинчиком достала его из чарки и стряхнула на землю.

Сунь У-кун, видя, что его замысел не удался, сразу же превратился в голодного коршуна.

Когти, словно из яшмы,

И перья на крыльях из стали.

Желтым блеском

От злости глаза у него засверкали.

И за тысячи ли убегают,

Чтоб лучше укрыться,

Все волшебные зайцы

И оборотни-лисицы.

Если голоден он,

Налетает стремительней бури

На добычу — и жертву уносит

В просторы лазури.

Сытый, он залетает высоко,

В небесные двери,

И когтей его крепких

Страшатся и люди и звери.

И вот коршун взлетел над столом и выпустил свои когти. Раздались грохот и звон: посуда, яства, блюда и миски, блюдца и кувшины — все полетело на пол и разбилось вдребезги. Коршун покинул Танского монаха и улетел прочь. У девы от страха едва не разорвалось сердце и не лопнула печенка. Да и Танский монах порядком струхнул. Дрожа от страха, дева-оборотень крепко прижала к себе Сюань-цзана.

— Дорогой наставник! Откуда появилось это чудовище? — спросила она.

— Не знаю,— робко ответил он.

— Как я старалась усладить тебя, какие придумывала яства! — сокрушенно произнесла дева-оборотень.— Так надо же было появиться этому стервятнику! Противный, всю посуду мою перебил!

— Госпожа, — вмешались тут служанки,— с посудой еще как-нибудь обойдемся, а вот что делать с яствами? Они все на полу и смешались с грязью. Как же их есть теперь?

Танский монах отлично понимал, что все это проделки Сунь У-куна.

— А я поняла, что случилось! — воскликнула дева-оборотень, обращаясь к своим служанкам и слугам.— Видно, Небо и Земля не довольны тем, что я задержала Танского монаха, вот они и наслали на меня это чудовище. Скорей уберите осколки и заново приготовьте вино и закуски! Подавайте все, что есть: и постное и скромное. А я тем временем попрошу Небо быть сватом, а Землю — сватьей и скрепить наш союз.

После этого дева снова отвела Сюань-цзана на восточную веранду и заперла его там. Здесь мы пока и спрашиваемся с ним.

Вернемся к Сунь У-куну, который вылетел из беседки и умчался прочь. Приняв свой первоначальный облик, он поднялся к отверстию пещеры и крикнул:

— Пропустите!

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Ша-сэн! Братец явился!

Оба они убрали свое оружие, и Сунь У-кун выскочил наружу. — Ну что, видел оборотня? А наставник наш где? — допытывался Чжу Ба-цзе, дергая Сунь У-куна.

— Видел, видел, и оборотня и наставника видел.

— Что же с ним сделал оборотень? — продолжал допрашивать Чжу Ба-цзе.— Связал его? Будет варить его или парить?

— Никто не собирается его ни варить, ни парить, — переводя дух, сказал Сунь У-кун. — Там ему приготовлено угощение, после которого хотят... ну, словом, ты знаешь, заняться с ним этим делом.

— Эге! Ты небось выпил там свадебного винца! — с завистью и не без ехидства произнес Чжу Ба-цзе.— Повезло тебе, нечего сказать!

— Перестань! — осадил его Сунь У-кун. — Жизнь нашего наставника в опасности! О каком же свадебном вине может идти речь?!

— А почему тогда ты появился здесь? — удивился Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун подробно рассказал все как было и поведал о своей неудаче.

— Вот как нескладно получилось, братец! А ты всякие глупости болтаешь! — сказал в заключение Сунь У-кун.— Раз мы знаем теперь, где наш учитель, я непременно спасу его!

С этими словами Сунь У-кун снова полез в пещеру, опять превратился в обыкновенную муху, уселся на тех же самых воротах и стал прислушиваться. Из беседки доносилось злобное фырканье оборотня. Вдруг Сунь У-кун услышал, как она приказала служанкам:

— Подавайте сюда все, что есть: и постное и скоромное! Да захватите бумагу для воскурения фимиама! Я сейчас принесу жертвы Небу и Земле и попрошу их быть нашими сватами. Уж на этот раз я обязательно породнюсь с ним, этим благообразным монахом.

Сунь У-кун ухмыльнулся про себя. «У этого оборотня ни стыда ни совести! — подумал он. — Ведь надо же среди бела дня затащить к себе монаха, запереть его на замок и строить против него такие козни! погоди! Дай только добраться до тебя. Я покажу тебе, каков я, старый Сунь У-кун!».

Он с жужжанием пролетел прямо к восточной веранде, где находился наставник, и увидел, что у Танского монаха слезы градом катятся по щекам. Сунь У-кун вновь уселся ему на макушку и стал звать:

— Наставник!

Танский монах услышал знакомый голос, вскочил и, заскрежетав от ярости зубами, стал браниться:

— Ах ты, противная мартышка! Хвалишься своей храбростью, а на самом деле можешь только свою шкуру спасти. Настоящий герой не думает о себе! Что толку, перебил всю посуду? Дева еще больше распалилась и теперь ждет не дождется, когда я стану ее мужем. Она приказала готовить новые угощения, и постные и скромные! Что же теперь делать?!

Усмехаясь про себя, Сунь У-кун стал успокаивать Сюань-цзана.

— Не сердись на меня, наставник! — мягко сказал он. — Я знаю, как спасти тебя!

— Ну как, скажи. — обрадовался Танский монах.

— Когда я улетаю отсюда, — ответил Сунь У-кун, — то заметил, что за домом есть сад. Постарайся заманить туда деву, предложи ей прогуляться, а остальное предоставь мне.

— Как же ты сможешь спасти меня в саду? — с недоумением спросил Танский монах.

— А вот как! — ответил Великий Мудрец. — Ты ступай с ней к персиковым деревьям, подойди к одному из них и остановись. А я тем временем взлечу на ветку и превращусь в румяный персик. Затем скажи, что тебе хочется отведать плодов. Сорви сперва красный персик, это буду я. Она, конечно, тоже сорвет персик. Тогда уговори ее обменяться! Возьми ее персик, а ей отдай свой. Как только я попаду к ней в живот, то сразу же примусь рвать на части все ее внутренности, пока она не сдохнет. Вот тогда ты и избавишься от нее!

— Зачем же тебе обязательно забираться к ней в живот? — удивился Танский монах. — Ведь у тебя так много разных приемов, чтобы одолеть ее!

— Наставник! Ты, видно, не знаешь, в чем дело, — произнес Сунь У-кун. — Если бы эта пещера была как и все остальные, я, разумеется, сразился бы с девой и одолел ее. Но вся беда в том, что отсюда очень трудно выбраться. Кроме того, если я нападу на ведьму, вся свора бесенят, и старых и малых, кинется на нас. Чего доброго и меня схватят, что тогда с нами будет? Нет, придется сделать так, как я предлагаю, иначе нам не выбраться отсюда подобру-поздорову.

Танский монах внимательно выслушал Сунь У-куна и кивнул головой в знак согласия.

— Ты только не оставляй меня одного! — умоляющим тоном проговорил он.

— Ладно, ладно! — ответил Сунь У-кун. — Я ведь тут, у тебя на голове!

На этот раз учитель с учеником обо всем договорились. Танский монах поднялся и, взявшись обеими руками за оконный переплет веранды, стал громко звать:

— Владычица! Владычица!

Дева услышала его зов и, радостно посмеиваясь, подбежала к веранде.

— Милый мой! Что ты хочешь сказать мне? — нежно спросила она.

— Не можешь ли ты вывести меня куда-нибудь прогуляться? — ответил Танский монах. — Ведь за то время, как я покинул Чанъань и отправился в дорогу на Запад, не было дня, чтобы не приходилось преодолевать горы и реки, и я очень измаялся, а в монастыре, где вчера ночевал, меня сильно продуло, и я тяжело заболел. Сегодня я пропотел, и мне гораздо лучше. К тому же ты, повелительница, позаботилась обо мне и доставила сюда, в твою волшебную обитель. Но, просидев здесь целый день, я почувствовал томление духа, и мне хотелось бы развеяться.

Ведьма пришла в неопишемую радость:

— Милый мой! Как я рада слышать от тебя это. Пойдем в сад, погуляем.

— Эй, слуги! — крикнула она. — Возьмите ключи, откройте ворота в сад и подметите там дорожки!

Толпа бесенят со всех ног бросилась исполнять ее приказание.

Тем временем ведьма открыла веранду и взяла под руку Танского монаха.

Вы бы видели, как шествовала ведьма с Танским монахом, окруженная целой свитой маленьких чертовок, с напояженными головками и напудренными личиками, нежных и грациозных, которые ни на шаг не отступали от них!

Бедный монах! Неожиданно попав в окружение этих прелестных созданий в роскошных нарядах, он молчал, словно немой. Не будь у него искреннего желания предстать перед Буддой, которое исходило из сердца твердого, словно кованое железо, он бы, пожалуй, не устоял перед подобным соблазном. Во всяком случае другой бы на его месте, падкий до вина и женщин, не раздобыл бы священных книг.

Когда они дошли до ворот сада, ведьма наклонилась к Танскому монаху и стала вкрадчиво нашептывать ему на ухо:

— Дорогой мой! Давай мы с тобой позабавимся тут. Право же, у тебя сразу пройдут тоска и печаль!

Взявшись за руки и прижимаясь друг к другу, они вошли в сад. Танский монах стал осматриваться. Здесь было удивительно красиво!

Везде краса, везде отрада взорам!

Обрамлены хвощом и мхом седым,

Дорожки чудным выгнуты узором.

Сквозных шелков струится легкий дым

На окнах и на нишах.

Все беседки

Одела сычуаньская парча.

Подует легкий ветерок сквозь ветки,

Качнется шелк, о чем-то лепеча...

Дождь прошумит... Как тысяча жемчужин,

Сверкают капли. Сбрызнуты росой,

Горды деревья свежую красой.

Но солнца луч всегда с цветами дружен,

И всюду здесь цветы — вблизи, вдали.

Там абрикосов ветви расцвели,

И цвет их, как бессмертных одеянья...

И манит взор и дразнит обонянье

Созревший персик в золотой пыли.

А вот луноподобные бананы.

Их листья, словно веера Тай-чжэнь,

Блестят на солнце и не любят тень.

Там бабочки порхают целый день.

Переплетают цепкие лианы

Магнолий ветви, сосен и дубов

И обвиваются вокруг стволов.

Взгляни, за белой каменной оградой,

Вокруг террас, среди пустых дворов,
Порхая, иволги резвиться рады.
Там блещут золотом дворцы, а тут
Сверкающие высятся строенья
И башни островерхие растут.
Причудливы их кровли, украшенья,
Затейливы и странны имена:
Вот «Кровля темных бабочек» видна,
Вот «Зал освобождения от хмеля»,
«Дом, где дождя приятно слушать шум»,
«Сгущенный аромат», «Чертоги дум...»
Пунцовые завесы еле-еле
Колеблются, украшены кругом
То золотом, то крупным жемчугом,
Узор парчи нигде не одинаков.
Везде висит густая бахрома.
Как шримсов щупальца —
Подводных раков...
А сколько здесь нарядных павильонов!
«Беседка грусти», «Сень любовных стонов»,
Здесь красят брови и царит сурьма,
Там «Зал забвения всего земного»,
Минуешь их, другие встретишь снова.
На пестрых досках всюду письмена —
Древнейших иероглифов изгибы:
Различных зал, построек имена.
Там изумить озера нас могли бы:
Вот озеро «Счастливая луна»,

Пруд, где полощут чаши для вина,
Вот пруд, где кисти шапок промывают,
Вот озеро, где аисты летают...
Сверкая пестрым золотом хвостов,
Резвятся рыбки, вьются между листьев.
Еще дворцы: вот «Павильон цветов»,
Рисованных по шелку тонкой кистью.
Вот для забав потешный павильон,
Вот «Башня любования закатом».
Шкатулка есть с орнаментом богатым,
И для нее одной дворец сооружен,
Наполненный чудесным ароматом!..
Какие камни посреди прудов!
Как много пестрых глыб и валунов!
Есть камни, словно перья попугая,
И мрамор есть, и розовый хрусталь.
Там — среди скал — расселина сквозная:
Как на Тай-ху, в ней голубеет даль.
И всюду мох, как бахрома густая,
Колышется, росинками блистая.
Везде растет «Тигровый ус» — камыш,
А вдалеке мелькают из-за крыши
Искусственно воздвигнутые горки.
Вот странный холм — «Зеленой ширмы створки»,
Вот холм «Свистящий ветер», а на том
Растет «Трава бессмертия»...
Кругом
Рассажены кусты, покрытые цветами,

И всюду тихо зыблется бамбук —
Хвост феникса...
Шагнем, и перед нами
Корзины чайных роз качнутся вдруг...
Здесь, на террасе, разные качели,
Столбы для игр, мячи и карусели.
Все вместе дивный мастер намечтал,
Художник тушью нам нарисовал
И вышил разноцветными шелками
Лазурный город с пестрыми стенами
И кровлями, увитыми плющом.
Взгляни, беседка в соснах перед нами,
В магнолиях напротив спрятан дом,
И в розах утопает напоследок
Вот эта крайняя из всех беседок!
Пионы вдоль перил стоят толпой,
Пунцовые камелии кустятся,
Как будто сотни красок меж собой
Наперебой спешат соревноваться.
Там лилии белеют на холмах.
Жасмин цветет на солнечных откосах.
Магнолии хотят, алея в росах,
Чтоб передал красу их кисти взмах.
От красной туи небо пламенеет,
Но дивный цвет как описать в стихах?
Тот отблеск пусть опишет, кто сумеет!
Да, этот сад с другими несравним, —
Что парки Ланьюаня перед ним?

А если сопоставить ароматы,
То пахнут здесь цветы еще живей
Прославленных цветов из сада Вэй.
И если, друг, весной придешь сюда ты,
Осмотришь все беседки, все цветы,
Вдохнешь их запах, нежный и целебный,
Все, все ты здесь найдешь!
Не встретишь ты
Цветов одной гортензии волшебной.

Танский монах, держа за руку дева-оборотня, шел по саду, восторгался его красотой и не мог наглядеться на замечательные цветы и растения. Они шли мимо теремов и беседок и незаметно очутились в самой красивой части сада, где росли плодовые деревья. Подняв голову невзначай, Танский монах увидел перед собой персиковое дерево. Сунь У-кун ущипнул наставника и тот понял, что надо остановиться.

Взлетев на сучок, Сунь У-кун встряхнулся и превратился в румяный персик, очень лакомый на вид.

— Владычица, — обратился Танский монах к дева-оборотню, — сколько в твоём саду ароматных цветов и спелых плодов! — и он тут же сложил стих:

Сотни пчел золотых
Над цветами летают,
Собирая нектар там и тут...
Сотни птичек
По веткам деревьев порхают
И плоды золотые клюют!

Разглядывая персиковое дерево, он с невинным видом спросил:

— Почему на этом дереве есть и красные и зеленые персики? Чем это объясняется?

— Не будь на небе двух сил — Инь и Ян, — отвечала ему дева-оборотень, — Солнце и Луна не светили бы нам; не будь на Земле Инь и Ян — не росли бы ни деревья, ни травы; не будь Инь и

Ян среди людей — они не разделялись бы на мужчин и женщин. Те плоды, что обращены к солнцу, поспевают скорее, потому что солнышко, обладатель великой силы Ян, греет их своими лучами, оттого они и красные; а на северной стороне, где солнышка не бывает, плоды еще незрелые, а потому зеленые. Таков уж закон сил природы: Инь и Ян!

— Спасибо тебе, что вразумила меня, — отвечал Танский монах. — Я, право, не знал этого!

С этими словами он подошел к дереву, протянул руку к красному персику и сорвал его. Дева тоже сорвала персик, но зеленый. Изогнувшись в поклоне, Сюань-цзан обеими руками поднес деве персик и произнес:

— Владычица! Ты любишь яркие цвета, вот и скушай, пожалуйста, этот румяный персик! А зеленый дай мне!

Дева-оборотень сразу же согласилась, подумав про себя: «Ах, какой милый монах! Вот уж поистине праведник! Еще не стал моим супругом, а уже так заботлив ко мне!».

Радостная и довольная, она уважила просьбу Танского монаха и поблагодарила его. Сюань-цзан принял у нее зеленый персик и сразу же начал его есть. Дева последовала его примеру. Она раскрыла свой алый ротик, блеснули белоснежные зубки.

Но не успела она поднести персик ко рту, как Сунь У-кун, который вообще отличался нетерпеливостью, перекувырнулся и мигом проскочил ей в горло, а оттуда прямо в живот. Дева-оборотень перепугалась и кинулась к Танскому монаху.

— Наставник! Какой злой персик! — в ужасе воскликнула она. — Проскочил целиком, не позволив мне даже надкусить его! Как же это получилось?

— Наверное, тебе самой не терпелось скушать только что созревший спелый плод, вот ты и проглотила его, — объяснил Сюань-цзан.

— Я даже косточку не успела выплюнуть! Он сам пролез мне в горло! — жаловалась дева.

— Да что ты! — успокаивал ее Танский монах.— Просто тебе так понравился этот персик, что ты на радостях не выплюнула косточки, и целиком проглотила его!

Тем временем Сунь У-кун, пробравшийся в живот к деве, принял свой настоящий облик и стал звать Танского монаха.

— Наставник! — кричал он.— Не говори с ней! Теперь она в моих руках!

— Братец мой, — жалостливо отозвался Танский монах, — не будь очень жесток с ней, не

терзай ее!

— С кем это ты переговариваешься? — встревожилась дева.

— Со своим учеником Сунь У-куном,— ответил он.

— А где он, этот Сунь У-кун? — продолжала расспрашивать дева.

— У тебя в животе! Неужто ты не понимаешь, что персик, который ты только что проглотила, как раз и есть он сам!

От этих слов дева-оборотень совсем растерялась.

— Все кончено! Все кончено! — восклицала она. — Смерть моя пришла, раз эта обезьянья морда пролезла в мою утробу!

Сунь У-кун! — крикнула она.— Скажи мне, зачем ты пробрался ко мне в утробу?

— Да просто так, — злобно ответил ей Сунь У-кун.— Я съем твои легкие и печенку, твое сердце с семью отверстиями и тремя ворсинками, переберу все твое нутро, и получится из тебя пустой, как барабан, оборотень.

От этих слов дева пришла в такой ужас, что чуть было не лишилась чувств. Она обняла Танского монаха и, дрожа от страха, стала причитать:

— О дорогой наставник! Послушай, что я скажу тебе:

В прошедшем бытии

Нам накрепко связали

«Шнурами красными»

И судьбы и труды.

Как нам в разлуке быть?

Нет тяжелей печали!

Так рыба жить

Не может без воды.

Разрушена любовь

У нас двоих отныне:

Ты будешь одинок,

Я буду жить в пустыне.

Под «Голубым мостом»

Река разбушевалась,

Мост залила, и нам

К молельне не пройти.

Развеян фимиам...

Увы, какая жалость,

Что разошлись у нас

Заветные пути!

Пророчил счастье день,

Но он без свадьбы прожит.

А встретимся ль еще когда-нибудь?

Быть может!

Сунь У-кун слышал ее жалобные причитанья и боялся, как бы наставник по своему мягкосердечию не разжалобился и не поддался на обман ведьмы. Он начал размахивать кулаками и колотить ногами, распирая внутренности ведьмы в разные стороны. Изнемогая от боли, дева-оборотень повалилась прямо в пыль и больше не могла вымолвить ни словечка. Сунь У-кун подумал, что она околела, и прекратил свои упражнения. Однако дева очнулась и стала кричать:

— Эй, слуги! Где вы?

Слуги и служанки, которые сопровождали свою хозяйку до ворот сада, оставили ее с Танским монахом, а сами разбрелись в разные стороны и принялись забавляться кому как вздумается: кто собирал цветы, кто травы, лишь бы не мешать любовным утехам девы-оборотня.

Услышав истошные крики хозяйки, слуги со всех ног бросились к ней и увидели ее лежащей на земле, с перекосившимся от нестерпимой боли лицом. Она силилась подняться на ноги, ползая на четвереньках. Подбежав к своей госпоже, слуги поспешно подхватили ее под руки и подняли.

— Сударыня! Госпожа наша! — забеспокоились они. — Что с тобой? Где у тебя болит? Не сердце ли?

— Нет! Нет! Нет! — с трудом вымолвила дева-оборотень. — Не спрашивайте меня ни о чем. У меня в животе сидит бес. Живо проводите монаха отсюда, тогда меня пощадят!

Слуги обступили Танского монаха и хотели понести его на руках.

Но Сунь У-кун закричал:

— Это еще что? Кто смеет нести на руках моего учителя?! Я требую, чтобы ты сама вынесла его на волю, тогда только я пощажу тебя!

Дева-оборотень послушалась Сунь У-куна. Она встряхнулась, взвалила Танского монаха себе на спину и быстрыми шагами направилась к выходу.

— Госпожа! Ты куда? — спрашивали слуги, еле поспевая за ней.

— Сейчас я вынесу вон этого негодяя, — ответила им дева, — а себе поищу другого в мужья. Недаром говорят: «Лишь бы пять озер да луна оставались на месте. Тогда в них всегда будет отражение золотого серпа!».

Ну и оборотень! Вы бы видели, как ловко он поднялся вверх по сияющему лучу прямо к выходу. Но вот послышался громкий звон оружия.

— Братец! — воскликнул Танский монах. — Там наверху кто-то есть!

— Это, наверное, Чжу Ба-цзе со своими граблями, — отозвался Сунь У-кун. — Ну-ка, оклики его!

Танский монах стал кричать:

— Чжу Ба-цзе! Чжу Ба-цзе!

Чжу Ба-цзе услышал голос наставника и заорал:

— Ша-сэн! Наш наставник сейчас будет здесь!

Они оба освободили проход, и оттуда выскочила дева-оборотень с Танским монахом за спиной. Вот и получилось, что

Царь обезьян премудрый

Заклятья знал и зелья.

И оборотня злобного

Все ж развенчал обман,

А Чжу Ба-цзе с Ша-сэном

У входа в подземелье

Стояли не напрасно:

Вернулся Сюань-цзан,

Если вы хотите узнать, осталась ли в живых дева-оборотень, прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288553>